

С.Г. Жамбалова

DOI: 10.25693/SVGV.2021.35.2.001

УДК 94(571.54/.55)“18/19”

Адаптационный потенциал забайкальского старообрядческого социума в условиях социально-экономических трансформаций XX - начала XXI вв.¹

Научная новизна. В статье впервые на достоверных материалах исторических и литературных источников рассмотрен адаптационный потенциал забайкальского старообрядчества (семейских), априори считающегося консервативным, и получены значимые результаты. Показано, что забайкальских старообрядцев затронул каждый этап российских социально-экономических трансформаций XX – XXI вв. Высокий адаптационный потенциал социума обусловлен традиционными устоями старообрядчества, с детства воспитывающими этноконфессиональный, социальный, трудовой и др. потенциалы, приверженность к общинности, способность к преодолению трудностей. В дореволюционное время семейские выезжали на золотые и рыбные промыслы в Якутию и на Амур. Материально-техническое наследие колхоза-миллионера, приобретенные качественные социально-бытовые условия благодаря высоким заработкам создали экономический потенциал и сформировали навыки выживания в постсоветское время. Этому способствует также географический потенциал – территориальная доступность г. Петровска-Забайкальского, с давних пор места реализации сельхозпродукции, и Сибирской угольной энергетической компании (СУЭК).

Цель статьи. Исследуется адаптационный потенциал забайкальских старообрядцев, семейских, на примере населения с. Никольск Мухоршибирского района Республики Бурятия на фоне социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. *Задачи:* рассматривается специфика адаптационной деятельности в дореволюционное, советское и постсоветское время, освоение новых экономических ресурсов и форм хозяйствования, рецидив элементов традиционной культуры.

Методы исследования. Статья базируется на опубликованных и неопубликованных полевых материалах автора и литературных источниках. Они рассмотрены при помощи темпорально-компаративного метода.

Результаты. В течение XX – начале XXI вв. семейское население с. Никольск демонстрирует устойчивое развитие. На всех этапах социально-экономических трансформаций находится выход благодаря высокому адап-

¹Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия XVII–XXI вв.», номер госрегистрации 121031000243-5)

тационному потенциалу, способности к модернизации. Сейчас это современный сельский российский социум, обладающий всеми его типичными признаками.

Ключевые слова: Бурятия, старообрядцы (семейские), адаптационный потенциал, социально-экономические трансформации, экономический потенциал, географический потенциал

И. Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что старообрядческий сибирский социум с XVIII в. находится в постоянном процессе адаптации к суровой природе Сибири, к незнакомому полиэтничному окружению, новым социально-экономическим условиям. При этом он сохраняет этноконфессиональную специфику и устойчиво развивается. Исследование его адаптационного потенциала, позволяющего достойно пережить колоссальные трансформации, перспективно.

Цель настоящей статьи – рассмотреть на примере русского старообрядческого населения с. Никольск Мухоршибирского района Республики Бурятия адаптационный потенциал забайкальских старообрядцев (семейских) на протяжении столетия на фоне социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. Социально-экономические проблемы российского села и формы социальной адаптации к изменяющимся условиям в эпоху перемен XX в. – одна из актуальных тем современности: несмотря на целый ряд предпринимаемых государством социальных мер, проблемы постсоветского села остаются до конца не решенными, а население выживает благодаря адаптационному потенциалу. Т.И. Заславская считает его одним из ключевых компонентов инновационно-реформаторского потенциала современного российского общества: «Адаптационный потенциал трансформирующегося общества отражает способность и готовность рядовых граждан активно приспособляться к изменяющейся среде с помощью доступных им и субъективно принимаемых ими средств» [Заславская, 2007: 228]. И.Ю. Трушкова считает, что в этот период роль старообрядчества с его традицией сопротивления внешним трудностям путем закрытости культуры, концентрации духовности, развития силы воли, сильно развитой взаимопомощи, приверженности к порядку, дисциплине могла бы быть полезной российскому обществу [Трушкова, 2007: 181].

Период XX – начала XXI вв. – время кардинальных перемен российского общества, но

наибольшей ломке подверглось крестьянство. Л.В. Бондаренко отмечает, что в XX в. оно подверглось ряду аграрных преобразований, менявших экономические условия хозяйствования на земле: Столыпинской реформе 1906–1914 гг., национализации земли в 1918 г., продразверстке в 1919–1920 гг., НЭП в 1920-х гг., насильственной коллективизации 1929–1931 гг. и аграрным преобразованиям 1990-х гг. [Бондаренко, 2005: 69]. После коллективизации, давшей с экономическими и людскими потерями, с материальными и моральными трудностями, жизнь колхозного крестьянства вошла в достаточно стабильное русло, а после закрытия колхозов оно оказалось без рабочих мест и без перспективы их появления. Поэтому после распада социалистической системы адаптационный потенциал российского общества был наиболее высоким: основная часть населения стремилась преодолеть неблагоприятные социальные последствия и приспособиться к новым условиям существования разными способами [Заславская, 2007: 228]. И.Е. Ильин объективно отмечает, что в результате аграрных преобразований конца XX в. произошли процессы дезинтеграции отношений и связей, «и по состоянию производительных сил, социально-профессиональной структуры, благополучию основных социальных слоев село до сих пор не достигло уровня, предшествующего рыночным реформам» [Ильин, 2007: 3].

Тему российского крестьянства в эпоху перемен исследуют ученые разных специальностей: Л.В. Бондаренко, О.В. Нечипоренко, А.Н. Вольский, В.С. Шмаков, И.Е. Ильин и др. Проблемы социальной адаптации и адаптационный потенциал изучают Т.И. Заславская, Ю.М. Пасовец и др. Проблеме цивилизационной адаптации старообрядческой культуры посвящена статья И.Ю. Трушковой. Однако на материалах старообрядцев Бурятии тема данной статьи не рассматривалась, в то время как исследование адаптационного потенциала социума, априори считающегося консервативным, закрытым, в переломные моменты российской истории дает

возможность для получения значимых результатов, выявления новых граней ментальности забайкальского старообрядчества.

II. Материалы и методы. Уникальность Никольска заключается в том, что социально-экономическая жизнь села на протяжении исследуемого периода – до революции, в советское и постсоветское время – нашла отражение в публикациях. Первые два этапа описаны в романе-трилогии И. Чернева (1900–1962) «Семейщина (Летопись родного села)», второй – в очерке И.К. Калашникова (1931–1980), третий – в устных рассказах жителей села, часть которых опубликована в монографии [Жамбалова, Игауэ, 2010: 207–231], а некоторые другие в статье [Жамбалова, 2010]. Эти материалы легли в основу настоящей статьи. В ней также используются неопубликованные полевые материалы 2016–2017 гг.¹

Роман «Семейщина» написан А.А. Леоновым и опубликован под псевдонимом И. Чернев [Чернев, 1988]. Действие романа разворачивается в с. Никольск со второй половины XIX в. до 1937 г. и вмещает жизнь четырех поколений. Писатель родился в Николаевске-на-Амуре, в семье семейского, выходца из с. Никольск. В 1929–1930 гг. он работал в газете в г. Улан-Удэ. Известно, что роман писался в Никольске [Болонев, 1988: 669]. Прототипом главного героя Ивана Финогеновича Леонова, поборника старообрядческих устоев, явился дед писателя, проживший около ста лет. В романе много места уделяется его сыновьям Дементею и Андрею, подверженным идеям модернизации. Ф.Ф. Болонев охарактеризовал роман так: «...своеобразная олитературенная хроника села Никольского <...> построена и написана на подлинных фактах и событиях» [Болонев, 1988: 663].

Жизнь села после коллективизации до сер. XX в. отражена в очерке 1960 г. И.К. Калашникова. Это литературная запись рассказа колхозника Епифана Ерофеева, который «воевал на германском фронте, потом партизанил, позднее ловил бандитов, вместе со своими товарищами закладывал в родном селе основы новой жизни» [Калашников, 1999: 261].

Эти материалы исследованы при помощи темпорально-компаративного метода: проанализированы разновременные источники, позволяющие выявить адаптационный потенциал старообрядческого (семейского) сельского социума в период социально-экономических трансформаций XX – начала XXI вв. Для проведения компаративного анализа привлекались материалы о современных старообрядцах штата Аляска США и старообрядцах-реэмигрантах XXI в. из Южной Америки в Россию.

III. Результаты. Адаптационный потенциал старообрядцев, подвергавшихся гонениям, ссылкам и притеснениям со второй половины XVII в. проверен временем. Семейские высланы в Забайкалье из Ветки (Белоруссия) в 1735 г. при разделе Речи Посполитой. Позднее было еще несколько миграций старообрядцев в Забайкалье. Благодаря базовым принципам этики старообрядчества, один из которых – при социальной изолированности быть способным к модернизации и адаптации, старообрядчество выживало в тяжелые годы гонений и осваивало новые территории, приспособлялось к разным политическим и экономическим режимам, сохраняя духовно-нравственные принципы. Социальный, духовно-нравственный, трудовой потенциалы, базирующиеся на фанатичной вере, общинности, патриархальности, большой семье, авторитаризме старших в социуме и семье, традиционализме, дисциплине и трудолюбию, способствовали тому, что старообрядцы за короткий срок освоились на новых землях. В Бурятии, в зоне рискованного земледелия, они развили пашенное земледелие, занимались скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством. Впоследствии некоторые освоили торговлю, другие ездили на отхожие промыслы, кто-то оставался там на постоянное жительство. Они приспособились к природно-климатическим условиям Сибири благодаря адаптационному потенциалу, способствующему при сохранении социальной дистанции налаживанию добрососедских контактов с коренным местным населением. К началу XIX в. они прочно занимали свое место в Забайкалье и представляли

¹ ПАМ, 2016–2017 гг. Экспедиционные этнографические исследования в РБ в рамках гранта JSPS по проекту «Исторические и этнографические исследования по российским и зарубежным старообрядцам»

собой довольно зажиточную самобытную этноконфессиональную группу, постепенно расширяющую территорию расселения за счет внутренней миграции в соседние, нередко так называемые русские сибирские или карымские села (с. Хасурта Хоринского р-на РБ и др.) или осваивающую новые места (с. Ягодное Селенгинского р-на РБ, с. Исток Прибайкальского р-на и др.). До середины XX в. они придерживались традиционных устоев, соблюдая социальную дистанцию, закрытость, консерватизм в религиозном, бытовом и особенно в семейно-брачном сегментах, постепенно адаптируясь к советскому образу жизни.

В 2020 г. в Никольске проживало 1229 чел., в 2002 г. – 1519, в 1919 г. – 4200. Как видно, прослеживается снижение численности населения. Село, расположенное в Тугнуйской степи, окруженной лесостепью и лесом, расположено близ федеральной трассы Р258 «Байкал» в 161 км от г. Улан-Удэ, в 30 км от с. Саган-Нура, где находится ОАО «Разрез Тугнуйский» (СУЭК). В 6 км проходит граница с Забайкальским краем, в 45 км находится г. Петровск-Забайкальский (Петровский Завод). Застройка и сельская архитектура Никольска не являются типично семейскими, как в Большом Куналее и Десятниково Тарбагатайского р-на РБ, признанными красивыми селами России, где много традиционных домов и активно развивается туризм – там побывали туристы из 31 страны [Туристы ...]. В Никольске туризм не развивают. В советские годы здесь шло активное строительство, поэтому в нем 14 широких улиц, много домов образца 1960–1980, часть из них кирпичные двухквартирные, а также сельские коттеджи 2000-х гг.

В первой половине XVIII в. здесь поселился русский казак, затем семейские [Чернев, 1988: 8]. В Бурятии семейские села располагаются дисперсно с селами русских сибиряков и улусами бурят. Особенно это заметно в Бичурском и Мухоршибирском районах, где проживает их большая часть. Из-за многообразия русских групп здесь имеется внутреннее деление на казаков, русских старожилов-«сибиряков» (так называют здесь русских православных), на карымов (потомков крещеных бурят, вступавших в брак с русскими), на старообрядцев (семейских) и на

другие мелкие группы (харануты, галзуты и др.). Деление в редуцированной форме сохраняется в XXI в. [Жамбалова, 2006: 140].

Ф.Ф. Болонев писал, что в России не было замкнутости староверческих общин, кроме небольших групп последователей некоторых толков [Болонев, 1988: 663]. Такие малочисленные группы были в Бурятии (темноверцы и др.)¹, они вели закрытый образ жизни, не влиявший на повседневную жизнь других. Несмотря на стремление к социальной изолированности, семейские мужчины находились в хозяйственном контакте с русскими сибиряками и бурятами. В социально-бытовых контактах бурят и русских преобладал бурятский язык, многие русские владели им. Русский язык знали немногие буряты [Габанова, 2013: 138]. Кардинальные трансформации начались с периода коллективизации. В советские годы произошло выравнивание социально-экономической жизни народов СССР. Все это позволяет считать, что с. Никольск, несмотря на этноконфессиональную специфику населения, имеет больше общего, типичного с другими поселениями России, чем особенного. За исследуемый период оно, несмотря на сохранение этноконфессиональной специфики, прошло путь наравне с миллионами других подобных сел в СССР и России.

В начале XX в. жители Никольска, более 700 дворов, вели хозяйство единолично: занимались земледелием, содержали скотину, заготавливали сено и дрова, ходили на охоту и рыбалку, излишки производства продавали в Петровском Заводе, уходили в армию, попадали на каторгу. Например, сын главного героя романа «Семейщина» Андрей из армии был сослан на каторгу на Сахалин, откуда не намеревался возвращаться домой [Чернев, 1988: 24].

Традиционное хозяйство семейских достаточно изучено, поэтому интересно остановиться на дополнительных занятиях. С открытием Забайкальской железной дороги в 1900 г. торговля в Петровском Заводе активизировалась: с дальних мест приезжали люди за покупками, появились постоянные дворы, построили тракт, проходивший через Никольск и другие села, и тогда «двинулась семейщина обозами на базар» [Чернев, 1988: 60]. Они продавали зерно, муку,

¹ПМА, 2016

картофель, масло, кожу, перепродавали закупленные у бурят товары. Занимались виноторговлей и ямщиной. В.Я. Калашникова, 1917 г.р., рассказывала, что ее дед с дочерью, ее матерью, девять лошадей запрягали, ямщичили, возили вино [Жамбалова, Игауз, 2010: 210].

Потенциал этноконфессиональной общинности, понимаемой как духовно-нравственное качество людей, направленное на консолидацию и взаимопомощь, отраженное в чувстве сопричастности с соседями и родственниками, землячестве, поддержании основных культурных ценностей [Лихачёв, 2015: 122], позволил семейским развивать отхожий промысел в Якутии и на Амуре. С 1852 г. начинается миграция некоторых семейских на станции Аянского тракта [Дамешек, Кушнарева, 2013: 18]. Позднее жители Никольска стали ездить на сезонные работы на золотые прииски Якутии, где «бешеное золото на Олёмке-реке. Оттуда возвращались в высоких подкованных сапогах с ремешками, в висячих шароварах, с золотишком, с гармошками, с водкой» [Чернев, 1988: 6].

К концу первого десятилетия XX в. основная часть семейской общины ведет традиционный образ жизни, но уже появлялись новые экономические ресурсы, реализуемые благодаря потенциалу этноконфессиональной общинности. Мужики стали ездить на рыбные промыслы Амура к прижившемуся там земляку Андрею, которому нужны были «свои» работники в артели. Первым на Амур поехал брат Андрея Дементей: «Первое лето, проведенное им на амурской рыбалке, навсегда решило его судьбу: он ежегодно стал отправляться к брату ... Поздней осенью приезжал домой располневший, румяный, вкатывал во двор пузатые тридцатипудовые бочки с рыбой и лагушки с икрою ... прибавка во двор текла без задержки и не виделось конца легкому просторному житью» [Чернев, 1988: 65, 68–69]. Андрей через брата предлагал землякам в награду сверх зарплаты по бочке рыбы и слово свое держал. Поэтому никольцы зачастили на Амур, собираясь по 15–30 человек [Чернев, 1988: 72]. Путь туда стал легким: «сидись в Заводе в поезд, а в Сретенске на пароход – по Амуру плыть одно удовольствие» [Чернев, 1988: 65]. Андрей-сахалинец не раз приезжал в Никольск с гостинцами для всех родственников «в лакированных сапогах, в пиджа-

ке по-городскому, в черной плюшевой шляпе, безбородый, бритый ...» [Чернев, 1988: 39]. Вскоре его артель прогорела, и он подался в тайгу искать золото, а впоследствии во время русско-японской войны привез семью на зиму к родным. Дементей начинает осваивать торговую деятельность, к которой его привлекает хозяин лавки в Петровском Заводе Мосей Кельман [Чернев, 1988: 75, 50–53, 64].

Как известно, армия, война, длительные поездки на промыслы изменяли стереотипы поведения людей и являлись одними из катализаторов модернизации мира. В данном случае они положили начало разрушению старообрядческих патриархальных устоев. Мужики, повидавшие свет, стали употреблять спиртное, курить, сбривать бороды. Солдаты с войны везли в деревню «солдатские песни, буйные гульбища, шалый ночной стрел» [Чернев, 1988: 119].

Коллективизация в Никольске, организованная пропагандистами, прошла нелегко: «... приезжие понуждали никольцев согнать в один двор весь скот, сложить вместе плуги, бороны, молотилки, пахать и сеять под одно – на общей земле общими конями. <...> Это было умопомрачительно, диковинно, это опрокидывало в таргатары исконные устои и представления» [Чернев, 1988: 375]. После борьбы и неприятия коллективизации люди начали вступать в колхозы. Вскоре колхозы стали механизировать: появились трактора и пр., наезжал участковый агроном, людей стали обучать на курсах. К 1934 г. колхозы встали на ноги, строились амбары, крытые тока, фермы, ввели севооборот, вдвое подняли трудодни колхозников. Затем колхозы и колхозников на шесть лет освободили от хлебных поставок государству. В 1935 г. в кооперативной лавке появились ситцы, швейные машинки, велосипеды, которые могли купить артельщики, продающие кооперативу излишки хлеба. На поля вышли комбайны. В степном Никольске появились палисадники с черемухой и березами. В 1937 г. один парень уехал в Москву учиться в летной школе [Чернев, 1988: 491, 533, 544, 560, 611, 634, 641, 648–649, 660].

С.И. Бодров, 1931 г. р., семейский, уроженец Никольска, учитель, рассказал, что коллективизация в селе началась в 1929 г. с четырех хозяйств, которые в 1956 г. объединились. До 1956 г. колхозники имели 80 соток приусадеб-

ной земли, с него накапывали 240-260 мешков картофеля по 70-90-кг каждый, зато после войны налоги были большие. Затем участки сократили до 20 соток. До 1954 г. колхозники платили натуральный налог: с коровы 280 л молока, с одного личного хозяйства 46 кг мяса, 50 яиц, 1 ц картофеля. Если на подворье было 2 коровы и свиноматка, то, кроме натурального, был денежный налог в 3 тыс. руб., а мешок картофеля стоил 25 руб. До 1957 г. за год обучения в 8, 9, 10 классах платили 150 руб. Для этого нередко продавали овцу, так как до 1954 г. денег в колхозе не давали, а на трудодень приходилось 200 г зерна. Средняя школа в Никольске появилась в 1956 г., до этого в старших классах учились в с. Хонхолой [Жамбалова, 2010: 284].

А.М. Варфоломеева, 1928 г. р., с. Никольск, русская, семейская, из поповцев, в 2008 г. говорила, что работала в колхозе с февраля по декабрь: в бригаде на покосе, на зернотоку, возила сено. Должна была сделать 130 выходов за год, а если нет, то должна заплатить налог 15 р. За 30 соток земли при усадьбе платили 30 руб. налога. После войны были трудодни, на них зерна давали по 50 ц, поэтому свиней держали. Держали в хозяйстве 2 дойные коровы да молодняк, 5 овец, гусей, кур, 3 поросные свиньи. Свинину продавали в Петровском Заводе. Потом при Хрущеве разрешили только 1 корову держать. Их семья как раз оставила телку, чтоб заменить ею старую корову, заплатили штраф 25 р., а телку сдали. Остались с 1 коровой. При Брежневеве они стали в Петровский Завод возить на продажу поросят, жители там «наголодовались» и по 5 поросят покупали. Сейчас внук держит ферму, землю он выкупил, 30 голов скота на мясо растит и еще есть телята. И дома у них 2 коровы, 2 теленка, гуси, куры, индюки¹. Е. Ерофеев в 1960 г. наоборот радуется, что по новому уставу сельхозартели в два раза сокращен скот личного пользования и скоро придет время, когда колхозники совсем перестанут заниматься этим хлопотным и невыгодным делом [Калашников, 1999: 271].

В семейских семьях, как и во всех традиционных социумах, детей рано приучали к труду, почти всю работу на подворье и картофельных

полях семьи выполняли они. С.И. Бодров вспоминал в 2017 г., что батя был строгий, требовал к какому времени что сделать: стайки вычистить, дров напилить, воду принести на коромысле с колодца животным, себе с речки². Они с братом обычно выкапывали картофель 3 недели: родители были на работе [Жамбалова, 2010, с. 284].

В первой половине XX в. дети выполняли большой объем работы в приусадебном хозяйстве. Оно было важным условием выживания – наличные деньги получали через реализацию излишков сельхозпродуктов семьи. Социальный потенциал, опыт предков, раннее приучение к труду помогали людям в их взрослой жизни. Главным условием достойной жизни, как и в прошлые периоды истории, было трудолюбие. Хорошо жили те, кто упорно работал, соблюдал нравственные устои, об этом свидетельствуют все информанты.

Рассказ Епифана Ерофеева повествует о том, как тяжело жилось в дореволюционное время, как трудно далась коренная ломка, когда «мы, полуголодные <...> сводили мелкие, разрозненные хозяйства в одно большое коллективное хозяйство, не предполагали, что новая жизнь будет столь светлой и радостной» [Калашников, 1999: 265]. Рассказчик приводит истории людей, достигших успехов. В селе, где в советское время с трудом открыли школу – первые две сожгли и только в третью стали отпускать детей, многие стали врачами, агрономами, учителями. Е. Ерофеев рассказывает: «Сейчас педагогами работают тридцать три человека, врачами – два, специалистами сельского хозяйства – семь, инженерами, техниками на промышленных предприятиях – двадцать, офицерами служат двенадцать человек» [Калашников, 1999: 264]. Это свидетельство обретения семейскими нового образовательного потенциала.

Представленные сведения объективно отражают результаты советской модернизации, которые к 1960 г. были значительными. Семейские стали более открытым социумом, чему способствовало укрупнение колхоза за счет соединения с колхозом с. Хонхолой, где проживали русские сибиряки, с которыми раньше «сколько

¹ПМА, 2016-2017 гг.

²ПМА, 2016-2017 гг.

ругани было ... из-за земель. Да что ругани! За оружие брались» [Калашников, 1999: 267]. Есть свидетельства укрепления бурятско-русских отношений [Калашников, 1999: 268].

В 1970–80 гг. Никольск был центральной усадьбой колхоза-миллионера им. В.И. Ленина, с 1978 г. по 1985 гг. его председателем был Герой социалистического труда А.П. Калашников. Он рассказал, что в колхозе работало более 500 чел., развивали полеводство, животноводство, подсобное хозяйство (пушное звероводство – черно-бурые лисицы и песцы; на двух прудах развели рыб). Также выжигали известь, делали кирпичи для собственного строительства, была пекарня, мельница крупчатая, пилорама. Было три направления племенного животноводства: КРС, овцеводство, коневодство. В селе проводилась политика закрепления молодежи в селе. Механизаторы, доярки, чабаны были высокооплачиваемыми работниками, получали по 300 и больше руб. Раньше колхоз засеивал 10 тыс. га, получал 110 тыс. ц зерна. В колхозе было 17 тыс. овец, 700 дойных коров. Кроме того, рядом с селом с 1979 г. располагалась еще одна организация – гусекомплекс, где работали 200 чел. [Жамбалова, 2010: 281].

В постсоветское время, в конце XX – начале XXI в., после закрытия колхоза и гусекомплекса жители села, преодолев трудности переходного момента, продолжают жить благодаря адаптационному потенциалу, а также материальному наследию колхоза-миллионера: вследствие высоких колхозных зарплат люди получают хорошие пенсии, фермеры используют пашни, созданные в те годы, в селе сохраняются потомки племенных лошадей и КРС, используются общественные здания, магазины, школа, детский сад, водонапорная башня, оросительная система, скот, техника, налаженный быт с крепкими домами с хорошими интерьерами и устроенным подворьем, кое-где с центральным отоплением и пр. Важным является образовательный потенциал, полученный в тот период, когда высшее и среднее специальное образование было доступно детям и внукам многих колхозников. Разбросанные по России, они, благодаря чувству общинности, помогают своим близким. Престиж образования, заложенный у семейских в советские годы, сохраняется донныне.

В 2008 г. глава МОСП «Никольское» И.А. Калашников рассказал, что поселение состоит из с. Никольск с 535 дворами, 50 из них закрыты, население 1450 чел., из них 151 школьников, 106 дошкольников, 300 пенсионеров, 80 инвалидов. Работающих 450 чел. Это места в бюджетных учреждениях (средняя школа, детсад, ФАП), на почте, в частных магазинах. Большинство ездит работать на служебном автобусе в Саган-Нур на «Разрез Тугнуйский». СПК «Никольское» с 70 работниками подало на банкротство. 180–200 чел. трудоспособного населения за неимением работы выживает за счет подсобного хозяйства. Около 50–70 чел. безработные без подсобного хозяйства. Население стареет, молодежь пытается уйти в производство, уехать. Скот содержат люди в возрасте от 30 до 50 лет, особенно те, у кого учатся дети. Молоко возят продавать в Петровский Завод и в Саган-Нур по цене 25 руб. за литр. Наблюдается рост поголовья скота в подворьях. Люди по льготному кредитованию приобретают сельхозтехнику, скот [Жамбалова, 2010: 280].

О закупочных тарифах на сельхозпродукцию в 2004 г. свидетельствуют расценки азербайджанца из Никольска: «За один мешок картофеля в 50 кг он дает односельчанам 30 печаток мыла или 6 бутылок растительного масла, или два пакета риса по 5 кг, или 15 кг гречки. 3-4 мешка картофеля обменивает на 1 мешок сахара» [Жамбалова, 2010: 281].

В конце XX в. сельское население, включая работающих и безработных, было вынуждено обратиться к частным формам труда, к выживанию за счет личного хозяйства: скотоводство, огородничество, собирательство. Земледелие могли осилить только немногие фермеры. М. Третьяков, бывший агроном колхоза, в 2004 г. создал ЛПХ на 120 га земли, где разместились пашни, покосы, пастбища. Он выращивал пшеницу, ячмень, зеленку. Картофель выращивать перестал из-за низкой закупочной цены. В 2009 г. он собрал с гектара 49,6 ц пшеницы, это рекордный показатель [Воронина, 2009: 17].

В 2008 г. зафиксировано, что М.В. Валиулина (Калашникова), родившаяся в Никольске в 1965 г., среднее специальное образование, работающая в детсаду, вместе с мужем Р.Х. Валиулиным, инженером, автомехаником Тугнуйского угольного разреза, наряду с основ-

ной работой, без оформления фермерства и найма работников, содержит на подворье большое подсобное хозяйство. В советское время тоже содержали много скота: свиней до 8 шт., да еще поросят, коров, картошку на 1 га высаживали. В постсоветское время завели 12-17 коров, из них 6 дойных, свиней держали стадами. Засаживали около 40 мешков картофеля на 1 га, накапывали по 500 мешков и продавали на 200 тыс. руб. В семье нет разделения труда на мужской и женский – работу делает тот, кто может: муж, сын и дочь-школьница коров доят и выполняют все другое по хозяйству. В 2000 г., чтобы купить машину «Волга», вырастили 40 свиней и мясо сами расторговали на рынке в Петровском Заводе. У них сельский коттедж, теплый гараж, подвал под домом на 200 мешков картофеля. В семье 2 автомобиля «КамАЗ», 2 трактора (МТЗ-82, МТЗ-50), тележка, плуг, картофелесажалка, картофелекопалка, сенокосилка, грабли, кун (механизированные вилы для погрузки, совок). В новый дом площадью 112 кв. м с теплой верандой в 30 кв. м и кладовкой заехали в 1994 г. Сын закончил железнодорожный колледж, работает в Улан-Удэ на своем «КамАЗе» [Жамбалова, 2010: 282].

Социально-экономическая жизнь населения Никольска улучшается. П.А. Бодрова, 1939 г.р., рассказала, что в селе строят церковь, построено 8 водокачек, ремонтируют дороги, открылась частная хлебопекарня с большим ассортиментом, при федеральной трассе построили заправочную станцию, при ней жительница села открыла гостиницу и кафе и предоставляет рабочие места односельчанам, там жители села справляют юбилеи, свадьбы. Появляются новые сельхозфермеры, одна частная бригада выращивает хлеб, имеет мельницу и продает населению зерно, комбикорм, солому. А хорошую муку население покупает в Хонхолое, где сохранился колхоз. Благосостояние села улучшается: обшивают дома сайдингами, ставят евроокна, бурят скважины, проводят воду в дом, делают теплые туалеты, в некоторые дома провели центральное отопление. С 2012 г. стабильно работает сотовая связь¹.

IV. Обсуждение. Высокий адаптационный потенциал населения российского/бурятского

села Никольск не является исключением. Одной из последних миграций старообрядцев в современном мире является реэмиграция в XXI в. из Южной Америки в Россию (Приморье). Несмотря на предоставленные условия, на первом этапе переселения в 2009–2015-х гг. реэмигранты были вынуждены преодолевать немалые трудности. Эти многодетные семьи расселились в уединенных удаленных местах Приморья в построенных своими руками селах. Они занимаются сельским хозяйством и народными промыслами. По мнению Ю.В. Аргудяевой, «их можно рассматривать как, пожалуй, единственных претендентов, способных выполнить обозначенную в Государственной программе по переселению соотечественников цель – заселить дальневосточные регионы работающими русскими людьми и тем самым способствовать восстановлению плодородия земель, социальной и демографической базы сельского хозяйства юга Дальнего Востока России» [Аргудяева, 2018: 18]. Безусловно, благодаря государственной поддержке и высокому адаптационному потенциалу им удалось преодолеть целый ряд трудностей в совершенно новых для них политических, социально-экономических и географических условиях.

Эта черта характерна для всех старообрядческих общин России и мира, благодаря ей, несмотря на гонения и репрессии, они сохраняют свою численность, этноконфессиональную специфику и успешно вписываются в современный глобализирующийся мир. Важно подчеркнуть, что темпы их развития при диаметрально-противоположных укладах разных стран в целом проходят по одному пути. От длительного сохранения архаичных канонических устоев, состоявшегося благодаря традиционализму и высокому адаптационному потенциалу, до постепенной сдачи своих позиций и постепенного включения в ритм современной жизни. Об этом свидетельствуют следующие данные. Миграция американских старообрядцев на новые территории в пределах страны в XX в. зафиксирована американскими исследователями Р. Моррис и Т.Б. Моррис (Юмсуновой). В их статье о русских староверах Аляски, переселившихся туда в конце 1960-х гг. из штата Орегон США показана

¹ПАМ, 2016–2017 гг.

но, что община с. Николаевска строго сохраняет старообрядческие каноны, но вынужденно осваивает новые экономические ресурсы и постоянно модернизирует способы добычи средств к выживанию. За время освоения новой территории на Аляске они проложили дороги, провели электричество, построили моленные и дома для жилья, обзавелись хозяйством, подготовили землю и т.д. Долгое время их главным занятием было рыболовство. Коммерческому рыболовству и строительству катеров, в том числе на продажу, они научились у американцев, нанимаясь к ним на работу. По завершению рыбного сезона мужчины охотились на мясного зверя. В 1970-е гг. рыболовство пошло на спад, самым выгодным стало строительство в других регионах США. В XXI в. спрос на строительство упал, поэтому они переживают трудное время [Моррис, Моррис (Юмсунова), 2009: 117].

Следует признать, что в XXI в. новые поколения как российских, так и американских старообрядцев постепенно теряют адаптационные качества по сохранению базовых традиционных понятий за их ненадобностью. Такая ситуация зафиксирована нами во время полевых исследований в Бурятии, а также американскими исследователями в 2015. в штате Аляска США. Эти материалы показывают значительные трансформации, произошедшие после 2009 г. Выявляется, что в целом они проходят в том же русле, что в России, в том числе в с. Никольск Республики Бурятия, когда темпы глобализации увеличиваются, а адаптационный потенциал сокращается. Американское старообрядчество сдает позиции перед натиском современных реалий США. В то же время взрослые и дети одеваются в русские рубахи и сарафаны, замужние женщины непременно носят отличный головной убор – кичку. Все мужчины носят бороды. Это вполне укладывается в американскую мультикультуралистскую логику, приветствующую внешнее своеобразие, которым маскируется тотальная вовлеченность в кредитно-финансовую и хозяйственную системы [Товбин, Семичаевский, Соколов, 2018: 287]. Эти данные свидетельствуют о том, что, несмотря на целый ряд модернизаций в образе жизни, старообрядцы Аляски продолжают представлять собой пример приспособления традиционных духовных принципов к услови-

ям пребывания в центре мировой глобализации, вестернизации, научно-технического прогресса и постиндустриализма [Товбин, Семичаевский, Соколов, 2016: 130].

V. Заключение. Исследование позволило прийти к следующему заключению. В течение XX – начала XXI вв. семейское население с. Никольск пережило ряд социально-экономических трансформаций и демонстрирует устойчивое развитие. На всех этапах рассматриваемого периода они находят выход из создавшейся, нередко критической ситуации благодаря адаптационному потенциалу, включая этноконфессиональный, социальный, трудовой, образовательный, географический и др. Опыт, трудовые навыки, основанные на раннем приобщении к труду, дисциплина, востребованные на отхожих промыслах, а позднее при колхозной жизни и при развитии приусадебных хозяйств, поставляющих продукты питания и торговли, способствовали успешной адаптации к условиям постсоветского времени. Благодаря высокому адаптационному потенциалу при определенной социальной изолированности, семейские обладали способностью к модернизации и в настоящее время это современный сельский российский социум, обладающий всеми его типичными признаками. Приведенный сравнительный материал свидетельствует о том, что современное старообрядчество всего мира постепенно адаптируется к жизни в условиях ускоренной глобализации, продолжая сохранять этноконфессиональную специфику.

Список сокращений:

ПМА – полевые материалы автора

Список литературы:

Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки в Приморье: переселение и адаптация // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 3. С. 11-18.

Болонев Ф.Ф. Что такое семейщина? // Чернев И. Семейщина. Улан-Удэ, 1988. 670 с.

Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI в. (социальный аспект) // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 69-76.

Воронина Т. Фермер собрал «кубанский» урожай // Информполис. 2009. 14 октября. С. 17.

Габанова В.Ц. Некоторые сведения из истории бурятско-русского двуязычия и тенденции его развития // Общество, среда, развитие. 2013. № 4 (29). С. 138-141.

Дамешек Л.М., Кушнарева М.В. История формирования старообрядческого купечества в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 7. С. 16-22.

Жамбалова С.Г. Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX – начала XXI вв. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 412 с.

Жамбалова С.Г. К вопросу типологизации внутриэтнических групп русских Бурятии // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: Сб. тезисов. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2006. С. 138-141.

Жамбалова С.Г. Старообрядческое село Никольск: трансформации форм организации жизнеобеспечения // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Новосибирск: Изд-во «Дирекция некоммерческого партнерства», 2010. С. 280-285.

Заславская Т.И. Избранные произведения // Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. Т. 2. М.: Изд-во «Экономика», 2007. 591 с.

Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX – XXI вв.: историко-социологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Чебоксары, 2007. 46 с.

Калашников И.К. Думы о прошлом и настоящем семейщины Епифана Ерофеева, персонального пенсионера колхоза имени Ленина Мухоршибирского аймака // Не поле перейти. Роман. Рассказы, очерки, новеллы. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. С. 261-271.

Лихачёв Н. Потенциал сельской общинности: социологический анализ // Социология. 2015. № 2. С. 121-129.

Моррис Р., Моррис (Юмсунова) Т.Б. Русские староверы на Аляске. Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2009. С. 115-122.

Товбин К.М., Семичаевский А.В., Соколов В.В. Очерк экспедиции к русским староверам Аляски // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 284-294.

Товбин К.М., Семичаевский А.В., Соколов В.В. Старообрядцы Николаевска: адаптация или ассимиляция в светских условиях США? // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 130-141.

Трушкова И.Ю. проблемы цивилизационной адаптации старообрядческой культуры: есть ли у

старообрядцев постиндустриальное будущее // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы V научно-практической конференции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2007. С. 180-184.

«Туристы их просто облюбовали». [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8299123> (дата обращения: 11.01.2021).

Чернев И. Семейщина. Роман. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 672 с.

References:

Argudyaeva Yu. V. Russkie staroobryadtsy iz Yuzhnoy Ameriki v Primor'e: pereselenie i adaptatsiya [Russian Old Believers from South America in Primorye: resettlement and adaptation]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East]. 2018. Volume 15. № 3. Pp. 11-18. (In Russian)

Bolonev F.F. *Chto takoe semeyshchina?* Chernev I. *Semeyshchina* [What is Semeishchina? Chernev I. Semeyshchina]. Ulan-Ude, 1988. 670 p. (In Russian)

Bondarenko L.V. *Sel'skaya Rossiya v nachale XXI v. (sotsial'nyy aspekt)*. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Rural Russia at the beginning of the XXI century (social aspect). Sociological research]. 2005. № 11. Pp. 69-76. (In Russian)

Chernev I. *Semeyshchina. Roman* [Chernev I. Semeyshchina. Novel]. Ulan-Ude: Buryat Publ., 1988. 672 p. (In Russian)

Dameshek L.M., Kushnareva M.V. *Istoriya formirovaniya staroobryadcheskogo kupechestva v Severo-Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The history of the formation of Old Believer merchants in North-Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. Bulletin of the Buryat State University.]. 2013. № 7. Pp. 16-22. (In Russian)

Gabanova V.Ts. *Nekotorye svedeniya iz istorii buryatsko-russkogo dvuyazychiya i tendentsii ego razvitiya. Obshchestvo, sreda, razvitie* [Some information from the history of Buryat-Russian bilingualism and tendencies of its development. Society, environment, development.]. 2013. № 4 (29). Pp. 138-141 (In Russian)

Il'in I.E. *Agrarnaya reforma v Rossii na rubezhe XX – XXI vv.: istoriko-sotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk* [Agrarian reform in Russia at the turn of XX – XXI centuries: historical and sociological analysis: author. dis. ... doct. hist. sciences]. Cheboksary, 2007. 46 p. (In Russian)

Kalashnikov I.K. *Dumy o proshlom i nastoyashchem semeyshchiny Epifana Erofeeva, personal'nogo pensionera kolkhoza imeni Lenina Mukhorshibirskogo aymaka* [Thoughts about the past and present of the family of Epi-

fan Erofeev, a personal pensioner of the Lenin collective farm of the Mukhorshibir aimag]. *Ne pole pereyti. Roman. Rasskazy, ocherki, novelly* [Do not go over the box. Novel. Stories, essays, short stories.]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. Pp. 261-271. (In Russian)

Likhachev N. *Potentsial sel'skoy obshchinnosti: sotsiologicheskii analiz. Sotsiologiya* [Potential of rural communality: sociological analysis. Sociology.]. 2015. № 2. Pp. 121-129. (In Russian)

Morris R., Morris (Yumsunova) T.B. *Russkie starovery na Alyaske* [Russian Old Believers in Alaska]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy.]. 2009. Pp. 115-122. (In Russian)

Tovbin K.M., Semichaevskiy A.V., Sokolov V.V. *Ocherk ekspeditsii k russkim staroveram Alyaski* [Sketch of the expedition to the Russian Old Believers of Alaska]. *Khristianskoe chtenie* [Christian reading]. 2018. № 3. Pp. 284-294 (In Russian)

Tovbin K.M., Semichaevskiy A.V., Sokolov V.V. *Starobryadtsy Nikolaevska: adaptatsiya ili assimilyatsiya v svetskikh usloviyakh Soedinennye shtaty ameriki?* [Old Believers of Nikolaevsk: Adaptation or assimilation in the secular conditions of the United States of America?]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2016. № 4. Pp. 130-141. (In Russian)

Trushkova I.Yu. *Problemy tsivilizatsionnoy adaptatsii starobryadcheskoy kul'tury: est' li u starobryadtshev postindustrial'noe budushchee. Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi. Materialy V nauch.-prakt. Konf* [Problems of civilizational adaptation of the Old Believer's culture: do the Old Believers have a post-industrial future. Old Believers: history and modernity, local traditions, Russian and foreign connections. Materials of the V scientific-practical. conf. (May 31 – June 1, 2007,

Ulan-Ude)]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2007. Pp. 180-184. (In Russian)

“*Turisty ikh prosto oblyubovali*” [“Tourists just took a fancy to them”]. [Electronic resource]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/8299123> (date of access: 01.11.2021). (In Russian)

Voronina T. *Fermer sobral «kubanskiy» urozhay. Informopolis* [The farmer has collected a “Kuban” harvest. Informopolis]. 2009. Pp. 17. (In Russian)

Zaslavskaya T.I. *Izbrannyye proizvedeniya. Transformatsionnyy protsess v Rossii: v poiske novoy metodologii* [Selected works. Transformational process in Russia: in search of a new methodology]. Volume 1. M.: Publishing house «Economics», 2007. 591 p. (In Russian)

Zhambalova S.G. Igaue N. *Kaleydoskop: etnograficheskie kartinki XX – nachala XXI v. v ustnykh rasskazakh narodov Buryatii* [Kaleidoscope: ethnographic pictures of the XX – early XXI century in oral stories of people of Buryatia]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 412 p. (In Russian)

Zhambalova S.G. *K voprosu tipologizatsii vnutrietnicheskikh grupp russkikh Buryatii. Sibirskaya mental'nost' i problemy sotsiokul'turnogo razvitiya regiona: Sb. Tezisev* [On the issue of typologization of intra-ethnic groups of Russians in Buryatia. Siberian mentality and problems of social and cultural development of the region: Sat. Abstracts]. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management Publ., 2006. Pp. 138-141. (In Russian)

Zhambalova S.G. *Starobryadcheskoe selo Nikol'sk: transformatsii form organizatsii zhizneobespecheniya. Vtorye Ermakovskie chteniya «Sibir': vchera, segodnya, zavtra* [Old Believers' village Nikol'sk: transformations of forms of organization of life support. Second Ermakov readings “Siberia: yesterday, today, tomorrow”]. Novosibirsk: Publishing house «Directorate of non-commercial partnership», 2010. Pp. 280-284. (In Russian)

Zhambalova S.G.

The Adaptive Potential of the Trans-Baikal Old Believer Society in the Conditions of Social and Economic Transformations of the XX - Early XXI Centuries

Scientific novelty. For the first time, the article considers the adaptive potential of the Trans-Baikal Old Believers (Semeiskie), which is considered a priori conservative, based on reliable historical and literary sources, and provides significant results. It is shown that the Trans-Baikal Old Believers were affected by every stage of the Russian socio-economic transformations of the XX – XXI centuries. The high adaptive potential of society is due to the traditional foundations of the Old Believers, which from childhood bring up ethno-confessional, social, labor and other potentials, commitment to community, the ability to overcome difficulties. In pre-revolutionary times, Semeiskie went to gold and fish industries in Yakutia and the Amur. The material and technical heritage of the millionaire collective farm, the acquired

high-quality social and living conditions due to high earnings, created the economic potential and skills for survival in the post-Soviet era. This is also facilitated by the geographical potential – the territorial accessibility of Petrovsk-Zabaikalsky, for a long time the place of sale of agricultural products, and the Siberian Coal Energy Company (SCEC) enterprise.

The aim of the article. The adaptive potential of the Trans-Baikal Old Believers, Semeiskie is studied on the example of the population of the Nikolsk village in the Mukhorshibirsky district of the Republic of Buryatia against the background of social and economic transformations of the XX – early XXI centuries. *Tasks:* the article considers the specifics of adaptation activities in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet times, the development of new economic resources and forms of management, the relapse of elements of traditional culture. *Research methods.* The article is based on published and unpublished field materials of the author and literary sources. They are considered using the temporal-comparative method. *Results.* During the XX – early XXI century the family population of the Nikolsk village demonstrates sustainable development. At all stages of social and economic transformations, there is a way out due to the high adaptive potential, the ability to modernize. Now it is a modern rural Russian society, which has all its typical features.

Keywords: Buryatia, Old Believers (Semeiskie), adaptive potential, social and economic transformations, economic potential, geographic potential